

ГЛАВА

1

— **П**уть неблизкий, — заметил Лун. Он прошелся по широкой ветви, цепляясь пяточными когтями за грубую кору. В свежем, прохладном утреннем воздухе блестели зеленоватые лучи рассветного солнца, *проникавшие* через пышную крону исполинского дерева. — Помоему, ты берешь слишком много арборов. — Лун пытался придумать хоть какую-то причину, чтобы отменить путешествие, но ничего лучше ему в голову не приходило.

— Я и сам знаю, что беру слишком много арборов. —

Утес в земном облике сидел на ветви и разглядывал летучие корабли, парившие внизу. — Только ты попробуй скажи им об этом.

Корабли пришвартовали к одной из самых больших садовых платформ дерева, чтобы на них было проще погрузить припасы. Оба судна принадлежали обитателям Золотых островов; их длинные изящные корпуса были сделаны из покрытого лаком дерева, а паруса складывались, как веера, к единственной мачте. Два корабля могли вместить в себя весь двор Тумана Индиго, но в обратный путь на них собирались отправиться лишь четверо арборов, которые возбужденно ждали нового путешествия, шестеро воинов, которые смирились со своей участью, и один нетерпеливый земной обитатель.

На кораблях и под ними, на поросших травой платформах, собралась небольшая толпа — в основном ее составляли арборы, которые таскали в трюмы провизию, заканчивали что-то ремонтировать или прощались с путешественниками. Несколько воинов летали вокруг мачт, чтобы не путаться под ногами.

— Я еще могу понять, зачем ты берешь Почку, — продолжал рассуждать Лун. Ниран, земной обитатель, семье которого принадлежали эти суда, во время долгого путешествия к Пределам научил Почку управлять самым маленьким из них, «Индалой». Теперь Почка должна была повести ее в еще более длительное путешествие обратно к Желтому морю. А когда корабли вернутся на Золотые острова к семье Нирана, Утес и остальные отправятся домой сами, и воины понесут бескрылых арборов. — Но зачем летят остальные?

— Почке нужна компания. И Нирану тоже. — Утес распрямил свои длинные ноги и поднялся. В земном обличье он был худым и высоким, как Лун и как большинство окрыленных раксур. Зрачок одного его глаза покрывало бельмо, и сам Утес был настолько стар, что его кожа и волосы стали почти белыми. Еще он носил серую одежду — штаны и свободную рубаху. — И мне. Не хочу провести весь путь в этих летучих корзинах с одними лишь воинами.

Утес был чудаковатым и угрюмым, он утаивал от Луны правду, чтобы уговорить его полететь на другой ко-

нец Трех Миров, — и все же Луну не хотелось отпускать его, как не хотелось потерять крыло. Кроме них при дворе не было других взрослых консORTов, и Лун тоже нуждался в компании и поддержке. А Утес был ему почти как отец, ну или хотя бы как близкий родич. Луну казалось, что он хорошо скрывает свои чувства, но праотец обладал неприятной способностью угадывать, о чем думают другие. Вот и сейчас Утес глянул на него, и в здоровом глазу старика заплясали веселые искорки. Он сказал:

— Я скоро вернусь.

Не успел Лун ответить, что ему совершенно наплевать, когда Утес вернется, старик переменялся, спрыгнул с ветви и, расправив крылья, скользнул вниз, к летучим кораблям.

В крылатом облике Утес был огромен; размах его крыльев втрое превосходил размах крыльев Луна. КонсORTы и королевы раксора с возрастом становились больше, а Утес был очень стар. Стар и достаточно опытен, чтобы сначала сопроводить корабли и Нирана до островов, а потом вернуть арборов и воинов домой целыми и невредимыми. Лун старался почаще напоминать себе об этом. Он понимал, что все его возражения абсурдны. «И наверное, ты просто чуточку им завидуешь». Подавив эту мысль, Лун спрыгнул с ветви, расправил крылья и спустился вниз к платформе.

По пути туда Лун заложил вираж и пролетел под струей водопада, который лился из дупла, служившего исполинскому древу главным входом. Вода падала вниз и собиралась в бассейны на широких платформах, которые выпирали из ствола в тех местах, где толстые ветви дерева сплетались друг с другом.

Лун облетел «Индалу» и «Валендеру», пришвартованные рядом с прудом для орошения. Чтобы не расцарапать когтями деревянные борта, арборы сбросили с палуб веревочные лестницы. Большую часть времени, которое занял ремонт, они шурили отметины от когтей, переплетали канаты и латали дыры в парусах. Сейчас Лун увидел, что арборы уже погрузили на корабль бочонки с водой и съестные припасы, и теперь просто шатались туда-сюда и болтали друг с другом.

Марта Уэллс

Лун заметил у кормы «Индалы» Звона и приземлился рядом с ним в высокую траву. Звон пригнулся, когда Лун стяхнул с чешуи капли воды, и проворчал:

— Консортам вообще-то необязательно вставать так рано.

Лун опустил шипы и сложил крылья.

— Я хотел их проводить. Ты сам-то чего так рано проснулся?

Звон обычно вылезал из своей опочивальни не раньше середины утра, а то и позже. Когда Лун ложился спать с ним, то на заре, чтобы выбраться, ему приходилось перелезть через бессознательного воина.

— Я тоже хотел их проводить. А еще я сегодня в патруле, — сердито ответил Звон, рассеянно пиная клочок травы.

Лун не стал ему сочувствовать. Патрулировать окрестности было нетрудно — летай себе под кроной исполинского древа да выискивай хищников и всяких нежеланных гостей. Работа, конечно, скучная, но необходимая. Желая сменить тему, Лун сказал:

— Я рад, что ты решил не лететь с кораблями.

Звон, чувствуя себя немного неловко, повел шипами.

— Когда Цветика умерла, я подумал, что лучше остаться. Может, смогу чем-нибудь помочь Душе; советом, например. — Звон родился арбором, наставником, но из-за того, что в старой колонии раксур много болели и рожали мало воинов, он против воли переменился и стал окрыленным. С тех пор прошло уже немало времени, но Звон с этим так до конца и не смирился.

Лун сказал:

— Душе помощь наверняка пригодится. — Душа была самой могущественной наставницей при дворе, и два месяца назад, после смерти Цветики, она возглавила касту. Однако некоторым членам двора не понравилось, что место старшей наставницы заняла столь юная арбора. Впрочем, точно так же им не нравилось, что их первым консортом стал почти дикий одиночка без рода и племени.

— А еще я, наверное, чуточку испугался, — признался Звон, задрал голову и глядя на «Индалу». Утренний ветерок медленно качал легкий корабль, и тот поскрипывал

досками. — Наше последнее путешествие было... чересчур. Не хочу, чтобы меня снова кто-то пытался сожрать.

Да уж, приключений им тогда хватило.

— Не думаю, что это путешествие будет таким же опасным.

— Надеюсь, что нет. Наставники много гадали и не увидели ничего плохого, но... — Звон обреченно вздохнул. — Ты же знаешь, что на предсказания не всегда можно положиться.

Да, это Лун отлично усвоил.

Последние стайки арборов спрыгнули и слезли с кораблей. У борта появились Почка и Бусинка. Они заметили Луна и Звона и помахали им, подпрыгивая от предвкушения. Лун помахал в ответ, хотя отпускать их он тоже не хотел. Почка и Бусинка ему нравились, и они частенько защищали Луна перед другими арборами. Он старался не думать о том, что теряет своих лучших союзниц, и напоминал себе, что их не будет всего несколько месяцев.

— А вот и Нефрита, — сказал Звон.

Лун поднял голову как раз в тот момент, когда Нефрита ярким голубым росчерком спикировала вниз и полетела вдоль серого ствола исполинского дерева. Она направлялась напрямиком к палубе «Индалы».

— Жемчужина, похоже, не выйдет. — Звон смотрел на дупло, но оттуда больше никто не появился.

Жемчужина не любила земных обитателей, но Луну казалось, что она и к ракса не питала особенно теплых чувств. Прошлой ночью арборы устроили Нирану формальные проводы, и Жемчужина, наверное, решила, что этого достаточно.

Лун наполовину расправил крылья и прыгнул на борт, стараясь не поцарапать когтями только что отпилированное дерево. Звон приземлился следом за ним и пошел на корму к Почке и Бусинке.

Нефрита стояла на палубе и разговаривала с Нираном.

— Я хочу еще раз поблагодарить тебя за помощь, — сказала она. — Если бы не ты, мы бы ни за что не добрались сюда.

Она выделялась даже среди ярко окрашенных арборов, которые толпились вокруг. Будучи королевой, Нефрита была крупнее и сильнее других раксура, а ее челшу покрывал серебристый узор, похожий на паутинку. Грива из гребешков и шипов доходила ей до хвоста. Одеждами Нефрите служили лишь широкое ожерелье и пояс из серебряных звеньев, соединявших полированные опалы.

Ниран, чуть смутившись, покачал головой. Ростом он был с арборов, но сложен не так крепко, как они. Его кожа была золотистой, а волосы — длинными, прямыми и белыми. Поначалу он не доверял раксура, но после того, как они вместе прошли через множество опасностей, островитянин сдружился с ними. Он ответил:

— Благодарите дедушку, ведь это он хотел вам помочь. Впрочем, я рад, что он настоял. — Ниран обвел рукой поляну, исполинские древа, платформы висячего леса и все Пределы. — Такое путешествие мне бы пропустить не хотелось. Жаль только, что дедушка не смог полететь с нами. Не сомневаюсь, он будет очень возмущен и выместит это на мне. — Кивнув Луну, Ниран прибавил: — А еще он наверняка обрадуется тебе, если ты когда-нибудь вернешься на восток.

— Нет, я не вернусь, — отозвался Лун. Ему тоже не хотелось прощаться с Нираном. Случалось, что жизнь при дворе начинала казаться ему чересчур уж странной, и тогда Лун радовался, что может поговорить с земным обитателем. Но он понимал, что Ниран сильно скучает по своей семье и по Золотым островам. — И все же ты поблагодари его за меня.

Пока все заканчивали провожать путешественников, Утес отвесил Луну подзатыльник и сказал:

— Не вытвори тут чего-нибудь, пока меня нет.

Лун и Нефрита вернулись в душло и оттуда смотрели, как отчаливают корабли. Арборы на платформе отвязали канаты, и оба судна легко поднялись в воздух. Паруса остались сложенными — корабли летали благодаря магическим камням, которые добывались из недр небесных островов. Эти камни позволяли судам плыть по

потокам силы, что пронизывала Три Мира, а паруса раскрывались лишь в ветреную погоду, чтобы развить скорость побольше. «Валендера» изящно воспарила с платформы, затем развернулась и поплыла под зелеными сводами исполинского леса. «Индала», двигаясь уже не так плавно, взлетела следом за ней и, поворачиваясь, задела корпусом спиральное дерево на краю платформы. Лун надеялся, что Почка ни во что не врежется, пока они летят по лесу. Все-таки разрыв в пологе, где корабли могли подняться над кронами, был совсем недалеко, и Луну думалось, что дела у Почки пойдут лучше, когда она окажется высоко в воздухе.

Итак, последняя ниточка, которая связывала Луна с прошлым, с земными обитателями, оборвалась. Он думал, что почувствует облегчение, но теперь даже не знал, что чувствует. Впрочем, Луну было не привыкать, и он решил, что волноваться, наверное, не о чем.

Нефрита взяла его за руку. Вид у нее был задумчивый.

— Ты не жалеешь, что не полетел с ними?

Присъгбенный и удивленный, Лун покраснел.

— Нет, — сказал он. — Почему ты спрашиваешь?

Она покачала головой, глядя на то, как корабли постепенно растворяются в туманной дымке леса.

— Ты всегда так много путешествовал. Разве тебе не будет трудно оставаться на одном месте?

— Нет, трудно не будет. Просто... непривычно. — Уж в том, чтобы оставаться на одном месте, Лун не видел никаких сложностей.

* * *

Прошло три месяца.

С тех пор как они прибыли в новую колонию, Лун несколько раз спрашивал у других, чем вообще обычно занимаются консорты — помимо того, что спят с королевами да плодят окрыленных на благо двора. И его совсем не обнадежило, что никто не смог прямо ответить на этот вопрос.

Однажды он спросил Звона. В тот день они приглядывали за арборами-охотниками, которые выслеживали дичь на платформах висячего леса. Двор до сих пор не знал, какие опасности таятся в окрестностях их нового дома, поэтому теперь охотников, занятых поисками добычи, сопровождали воины, а солдаты тем временем оставались в древе, чтобы охранять подступы к нему и примыкающие платформы. Поскольку окрыленные, а в особенности консорты, обычно не принимали участия в охоте, Лун должен был просто летать рядом и разминать крылья — хотя опыта в ловле добычи и выживании у него было больше, чем у всех воинов, вместе взятых.

У Луна получалось понемногу помогать окрыленным с другими обязанностями: например исследовать новые территории Тумана Индиго и вместе с охотниками составлять подробные карты платформ и мостов, которые их соединяли. Еще они примечали, какие здесь водятся хищники и травоеды, где они обитают, каких развелось так много, что на них можно регулярно охотиться, а каких осталось так мало, что их лучше оставить в покое и дать им расплодиться.

Отвечая на его вопрос, Звон сказал:

— Консорты должны прислушиваться к арборам, выяснять, в чем те нуждаются или чем недовольны, а затем тактично указывать на это королевам.

Елея, сидевшая рядом с ними, криво усмехнулась.

— Еще бы к воинам они прислушивались, было бы совсем хорошо.

— Конечно, — поддакнул Звон, словно и так это подразумевал. А затем все испортил, прибавив: — Но воины вечно жалуются по пустякам, так что об этом и говорить нечего.

Елея косо посмотрела на него.

— Ну да, кому какое дело, чего хотят воины? — Елея была сестрой Нефриты, воительницей из королевского выводка — такие иногда появлялись на свет. В отличие от Звона, она родилась окрыленной, и потому смотрела на мир несколько иначе.

Лун закатил глаза и, решив, что разговор ушел слишком далеко от темы, снова перевел внимание на платформу. День был теплым, воздух — влажным, почти как во время дождя, а свет едва просачивался через пелену облаков, которая висела где-то высоко над лиственными кронами. Платформа, где охотились арборы, располагалась в двухстах шагах под Луном и чуть в стороне от него.

Она огибала ствол исполинского древа огромной полуспиралью; густой лес покрывал всю ее поверхность, а через край вниз сбегал ручей, который затем падал на платформы поменьше, ютившиеся в нижних ветвях. Изредка Лун замечал яркую чешую охотников, мелькавшую среди зелени. Хотя ростом мускулистые арборы уступали окрыленным и в чешуйчатом обличье не имели крыльев, их зубы и когти были столь же острыми. А висячий лес, к несчастью, кишел хищниками не меньше, чем травоедами.

Однако Луна беспокоили не эти лесистые охотничьи уголья, а другая платформа, которая висела прямо под ними. Укрытая тенью и вся поросшая пухлыми белыми лианами с темно-багряными листьями, она была окутана клочьями тумана. Хотя Лун мог разглядеть не много, платформа казалась ему зловещей, и он думал, что ей не хватает лишь кучек костей по гниющим краям.

Елея продолжала говорить:

— Если не слушать воинов, то молодые самцы начнут к тебе задираться...

Звон презрительно усмехнулся, явно нарываясь на подзатыльник от Елеи.

— Воины вечно ноют. Куда чаще арборов. Если станешь слушать их, то у тебя не останется времени на...

— Да вы все ноете больше, чем кто-либо еще, — прервал его Лун, — по малейшему поводу. — Обычно он старался держать свое мнение о внутренних делах двора при себе, поскольку почти ничего не смыслил в том, как править колонией раксура. И ему казалось, что Нефрита и так неплохо справляется как с арборами, так и с воинами. Так что Лун не собирался совать нос в ее дела и передавать «жалобы», по крайней мере, не разобравшись перед этим подробнее, в чем дело.